

18+

Анастасия Андреева

РАЗЛЕТАЮСЬ НА
ОСКОЛДКИ

Радаслава Андреева

Разлетаясь на осколки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63100063

ISBN 9785005173621

Аннотация

Что делать, если запрещают рисовать? Бунтовать, с самого детства. И пусть ты всегда во всём виновата, но надо идти к своей мечте несмотря ни на что. И чем раньше ты это поймёшь, тем лучше. Не понимают родители, а зачем они тогда нужны? Выгнали из дома, да уж лучше в подвале жить, чем там, где тюрьма. Долгая дорога предстоит Инне на пути к самой себе, к раскрытию таланта вопреки препятствиям. Разлетевшись на осколки в детстве — собрать себя по крупицам и стать собой...

Содержание

ГЛАВА 1. Рисовать ты больше не будешь	5
ГЛАВА 2. Школьные годы чудесные	15
ГЛАВА 3. Граффити	37
ГЛАВА 4. Брат	51
ГЛАВА 5. Такая любовь	66
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Разлетаясь на осколки

Радаслава Андреева

© Радаслава Андреева, 2020

ISBN 978-5-0051-7362-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1. Рисовать ты больше не будешь

— Ой, Вера, ты посмотри, что твоя опять натворила, — в песочнице громогласно ревел четырёхлетний мальчишка, голова которого была обильно посыпана песком.

— Инна, что ты опять хулиганишь, — мать сердито подхватила девочку трёх с половиной лет и, поставив перед собой, грозно подняла её голову, чтобы глаза дочери смотрели на неё.

— Он забрал мои игрушки, — девочка говорила хорошо и чётко, выговаривая все буквы.

— И за это надо было его песком посыпать? — вопрошала Вера Сергеевна.

— Я ему последнюю формочку отдала, она была с песком, — девочка хотела опустить голову к полу, но мать держала её за подбородок, заставляя смотреть в глаза.

Инне было очень обидно, так как мальчик, по имени Ванюша, медленно и тихо забрал все её игрушки, при этом свои спрятал в сторонку и не давал взять. Мама почему-то всегда учила Инну делиться, но при этом взамен ничего не просить. Этого девочка понять не могла в силу своего возраста, было просто обидно и чувствовалось, что как-то это не правильно. Но мама говорила, что неправа именно Инночка и при-

ходилось ей верить. Она же мама, она же большая и знает как надо.

Вторая женщина счищала со своего Ванечки песок и приговаривала:

— Не плачь мой хороший, плохую Инну накажет мама, и больше она обижать моего мальчика не будет.

Инна слышала эти слова, и хотела только одного, больше не встречаться с этим Ванечкой. Но мама упорно тащила её гулять, когда на площадке были другие дети, и чаще всего это был именно Ванечка. Остальные детки часто в игре предлагали играть вместе или менялись игрушками. Ваня забирал у всех всё и играл сам.

Вера Сергеевна смотрела на дочь и вздыхала, она не могла понять, что она делает не так, воспитывая дочь. Старший сын, который уже учился в школе, с рождения был идеальным ребёнком: послушным, неконфликтным, не дрался, делился игрушками. Дочь же была совершенной противоположностью брату. Она не слушалась, капризничала и постоянно делала всё не так. Женщина воспитывала дочь, так же как и сына, но эффекта в этот раз не было. Это удивляло, удручало и расстраивало.

Этим вечером Инна не получила вечернюю конфету. Вера Сергеевна демонстративно дала конфету брату, а дочери сообщила:

— А ты себя сегодня плохо вела, поэтому не заслужила.

Инна часто оставалась без конфет, и последнее время да-

же перестала плакать по этому поводу. Разжалобить родителей слезами было невозможно, она это уже поняла. Конфету таким способом не получить. Девочка почти равнодушно смотрела на сладость, борясь с чувством обиды, и уже стараясь не показывать взрослым свои чувства. Внутри этой маленькой девчужки, с короткой стрижкой пшеничного цвета и васильковыми глазами произрастала бунтарка. В свои три с половиной года она уже смотрела на мир более взросло, чем её сверстники.

— Что сегодня опять натворила дочь? — спросил строгим голосом отец. Он вроде бы спрашивал у жены, но на самом деле обращался к малышке. — Инна, я тебя спрашиваю?

Девочка каждый раз пребывала в тупике, после такой постановки вопроса. Ей всегда казалось, что обращаются не к ней, но именно с этого момента не дождавшись ответа от дочери, папа начинал сердиться ещё больше. Он ждал ответа от неё, а на что именно, она не понимала.

Мама потом рассказала про инцидент в песочнице, а девочка, уловив в рассказе слова: песок и Ванечка, задумалась. Для неё случившееся днём было так давно, что она совсем сбивалась с толку и пыталась вспомнить детали случившегося на прогулке. Пока она хмурилась, родители выжидательно смотрели на неё и ждали ответа.

— Может она у нас умственно отсталая? — предположил отец.

— Как песком сыпать на детей, она быстро соображает, —

сердито парировала мать.

— Тогда поставь её в угол, пусть постоит, подумает, — вынес свой вердикт отец, а Инна обрадовалась, она положила в карман два карандашика недавно, так, что в углу она спокойно сможет рисовать на обоях.

— Что это? — отец вместо ужина на столе увидел целую кучу карандашей разного размера, и все как один с тупым грифелем.

— Надо всё переточить, — вздохнула Вера Сергеевна. — Инна сегодня изрисовала обои чёрными карандашами. Больше никаких цветов не осталось, и она нарисовала там такую картину.

— Картину? — Олег Владимирович удивлённо глянул на жену.

— Пойдём, покажу, — женщина поманила мужа за собой в детскую комнату.

Инночке уже было четыре с половиной годика, и самым любимым её занятием было рисовать. Пока ей нравились карандаши, только они быстро изрисовывались, и приходилось просить маму поточить. Вернее раньше в этой помогал старший брат Захар, но сейчас у парня появилась спортивная секция и кружок по моделированию. На заточку карандашей времени уже не оставалось.

Так же быстро заканчивались всевозможные раскраски и альбомы для рисования. В такие моменты девочка перехо-

дила на обои. В её детской комнате были специальные обои, на которых можно было рисовать. И Инночка не стеснялась, самозабвенно вырисовывая там рыбок и птичек.

Сейчас перед Олегом Владимировичем предстала картина в чёрном цвете: домик с крестами на окнах, чёрное солнце и такой же чёрный туман вокруг. От детского рисунка веяло чем-то зловещим.

— Это ещё не всё, — Вера Сергеевна обратила внимание мужа немного правее, и показала нарисованное кладбище, тоже чёрное с надгробиями, на каждой плиточке был нарисован карандаш.

— Кажется, надо завязывать с этими художествами, — пробормотал мужчина, и вместо того, чтобы поточить цветные карандаши для дочки, смахнул их все в мусорное ведро. — Больше никакого рисования.

Вера Сергеевна нахмурилась:

— Ты думаешь это выход?

— Дочь себя безобразно ведёт, постоянно не слушается. А теперь ещё кладбища рисует. Ты считаешь, что это нормально?

Вера Сергеевна промолчала в ответ, она не понимала, почему дочка так себя ведёт. Инночка получала такую же заботу с рождения, как и старший брат. Её никто не обижал, но она всегда поступала по своему, и часто это было в ущерб окружающим. Да, муж Веры Сергеевны был скуп на чувства, если не сказать чёрств, но таким он был с обоими детьми. За-

хар при этом рос покладистым, не конфликтным ребёнком, и женщина до рождения дочери считала, что всё это происходит благодаря правильному воспитанию.

С Инной такое же воспитание не работало. Она не хотела играть на детской площадке с другими детьми. В садике у неё было мало друзей, так как она не любила ни с кем делиться игрушками, чаще предпочитала обособленно притаиться в уголке и рисовать. Воспитатели, тем не менее, к Инне относились благодушно, замечая, что девочка рисует на порядок лучше всех детей её возраста. Поэтому в садике всегда имелись наточенные карандаши и целая стопка бумаги.

Мать и отец девочки только вздыхали, но несли в садик дополнительные принадлежности для рисования.

— Думаю надо поговорить с воспитателями и попросить их запретить Инне рисовать, ну только когда общие занятия, — вынес своё решение Олег Владимирович.

— Как бы не стало хуже, — с тревогой в сердце тихо возразила Вера Сергеевна.

— Куда ещё хуже? — недоумевал мужчина. — Мне кажется именно рисование, приводит её в такое состояние, ты же помнишь, когда надо идти куда-то, а она рисует, начинается целая истерика, так как она не дорисовала. Эта детская забава превращается уже в какой-то кошмар.

Вера Сергеевна опять промолчала, подумав:

«Может муж прав, может, если исключить эту прихоть дочери, она перебесится, а потом перестанет устраивать исте-

рики».

Проснувшись после дневного сна Инночка долго искала свои карандаши, но не нашла даже чёрных.

— Мама, а где мои карандашики, — обратилась она к родительнице. — Ты их поточила?

Девочка решила, что мать их просто куда-то убрала.

— Больше ты рисовать не будешь, — строгим тоном сообщил новость девочке папа, сидевший тут же на кухне.

— Почему? — удивлённо уставилась на отца Инна.

— Потому что ты не умеешь себя хорошо вести, а когда ты рисуешь, становишься совсем плохая. Поэтому теперь рисование для тебя под запретом.

Инночке исполнилось шесть лет, и мама решила, что пора отвести дочь на подготовительные курсы. Дома девочка отказывалась даже учить буквы, хотя брат уже в этом возрасте всю читал по слогам.

История с карандашами закончилась благополучно, как считала Вера Сергеевна. Обе воспитательницы были проинструктированы, что рисовать Инне теперь можно только строго в рамках занятий по рисованию. Всё остальное время девочка должна играть с ребятами в нормальные игры.

Галина Григорьевна, одна из воспитательниц, просьбу родителей выслушала и согласно кивнув, продолжала тайком от всех разрешать Инночке рисовать. Последний год в садике Инна почти всегда просто лежала во время дневного сна и,

заметив это, воспитательница разрешала девочке тихонечко садиться за стол и, пока остальные ребята видели сны, рисовать. Галина Григорьевна была очень строгой воспитательницей, и у родителей Инны даже мысли не возникало, что именно она может не выполнить их просьбу.

А девочка очень быстро поняла, что маме и папе говорить про это нельзя, и она молчала. Она училась обманывать и не договаривать.

Первая неделя подготовки к школе оказалась даже очень интересной. Инне понравилось сидеть за партой, все остальные ребята тоже сидели спокойно и слушали. А ещё они учились выводить линии в тетрадке, именно карандашами и это девочке нравилось больше всего. Когда учительница по рисованию на первом уроке попросила детей нарисовать всё что им хочется, девочка нарисовала лошадь.

— Инночка, — удивлённо рассматривала Ирина Викторовна рисунок. — А кто тебя научил так рисовать?

— Сама, — тихо ответила девочка. Она немного испугалась, так как не знала, что учительница скажет маме и что за этим последует.

Ирина Викторовна радостно поведала Вере Сергеевне о таланте дочери, и увидела странную реакцию:

— Да какой там талант? — строго возмутилась мать Инны. — Чирикает карандашами. Но я бы хотела вас попросить, чтобы дочь рисовала только в рамках урока, и никогда боль-

ше. У нас рисование под запретом. Дома даже карандашей и красок не держим.

Услышав такой ответ, учительница нахмурилась и сделала вывод, что мама достаточно недалёкая женщина. Но попытку повлиять на женщину она всё-таки предприняла:

— Вы не думаете, что таким решением лишаете ребёнка возможности реализоваться в будущем. Может она станет великой художницей?

— Да что там эта мазня может дать? — всё тем же строгим тоном ответила Вера Сергеевна. — Вот в истории великие художники были всю жизнь нищими и становились знаменитыми только после смерти. И нам её талант кормить до старости?

На следующем занятии Ирина Викторовна отвела Инну в сторонку и спросила:

— Инночка, а ты ещё где-нибудь рисуешь? — она понимала, что та нарисованная лошадь это не спонтанный рисунок, это значит — девочка тренировалась.

Инна испуганно посмотрела на женщину, не зная, можно ли говорить правду. Потом она опустила голову и еле-еле мотнула головой справа налево.

Ирина Викторовна присела на корточки и, заглянув девочке в глаза, улыбнулась и сказала:

— Не бойся, — она накрыла своей ладонью сцепленные руки девочки. — Я никому не расскажу.

— Галина Григорьевна разрешает мне рисовать во время

дневного сна, — еле слышно ответила Инна. — Только маме не говорите, пожалуйста.

— Я сохраню твой секрет, — пообещала Ирина Викторовна, впервые пожалев, что она не будет вести эту малышку дальше, уже в первом классе. Она работала только на подготовке к школе.

ГЛАВА 2. Школьные годы чудесные

Первое сентября, такой радостный и волнительный день для всех первоклашек. Какой будет первая учительница, какими буду друзья в школе. В этот момент ещё не думаешь, а будут ли эти друзья вообще. Кажется, что впереди всё только прекрасное.

Учительницу звали очень красивым именем — Ариадна. Отец, когда прочитал имя, даже немного возмутился:

— Что это за имя такое? Отчество Андреевна, а имя откуда?

— Да по-разному называют, — пожала в ответ плечами Вера Сергеевна, — у меня в школе географию вела учительница — Дора Титовна. Детей же не спрашивают, как их называть. Я узнавала, учительницу хвалят.

— Ну ладно, надеюсь, наша Инка будет её слушаться, — вздохнул Олег Владимирович.

Инночке было боязно, она не знала чего ожидать от этой милой женщины, с таким красивым именем Ариадна Андреевна. Опытная в общении с взрослыми она смотрела на нового человека настороженно и хмуро.

Все первоклашки стояли нарядные и взволнованные, все

с букетами, девочки с белыми бантами. Что-то говорили взрослые, вот большой мальчик пронёс на руках девочку, маленькую и похожую на куклу, она трясла большим колокольчиком и улыбалась. Инна смотрела на происходящее, и ей становилось как-то хорошо. В класс она вошла вместе со своими одноклассниками, улыбаясь и приветливо оглядываясь вокруг.

Ариадна Андреевна посадила её за парту с мальчиком в очках и очень-очень худенького. Его даже стало жалко, таким болезненным он выглядел. Мальчика звали Богдан, он был единственным, кто не улыбался из ребят.

Потом было знакомство всех со всеми. Вернее, Ариадна Андреевна поднимала каждого ученика и просила представиться. Несколько ребят были из одного садика с Инной, поэтому тут она всё-таки не совсем одна оказалась.

Уроки начались интересно, и на первом же занятии по рисованию учительница заметила талантливую ученицу. Она, просматривая рисунки, позвала Инну и поинтересовалась:

— Инночка, ты где-то занимаешься?

Девочка погрустнела моментально, когда поняла что спрашивают про рисунок и отрицательно помотала головой.

— А ты бы хотела заниматься? — последовал ещё один вопрос учительницы.

— Мне мама и папа не разрешают, — тихим голосом поведала Инна.

— Не разрешают учиться рисовать? — уточнила Ариадна Андреевна.

— Мне вообще не разрешают рисовать, только на уроках в школе, — уточнила девочка.

Учительница нахмурилась и задумалась. Ей показалось это странным, она не поверила, и решила уточнить у мамы девочки. Та всегда приводила дочку утром в школу.

— Здравствуйте Вера Сергеевна, — начала она свой разговор с матерью Инны на следующее утро. — Ваша дочь очень хорошо рисует, Вы это знаете?

Женщина горестно вздохнула и ответила:

— Да, знаю, что делать с этой напастью не понятно, — голос матери ученицы был таким печальным, будто её дочь была смертельно больна.

— Не поняла? — удивлённо переспросила Ариадна Андреевна.

— Она постоянно рисует, и если, пока она была в садике, то дома мы просто не держали карандашей, то теперь она рисует и простыми карандашами и ручками. В пенале лежат цветные карандаши, но отец строго настрого ей запретил их исписывать, — совершенно искренне делилась своим горем Вера Сергеевна.

Учительница ошарашенно смотрела на женщину и недоумевала. В её голове не укладывалась эта информация. Как можно так зарывать талант, этого она не могла понять. Инночку стало жаль.

Спасением для девочки стало то, что её отдали на продлёнку уже в октябре. Старший брат не успевал забирать сестру после школы. Уроков у него было больше, а потом он бежал на свои секции и кружки. День Захара был расписан по часам и сестра сюда совершенно не вписывалась. Мать, взявшая отпуск в сентябре, чтобы водить дочь в школу вышла на работу.

Ариадна Андреевна отыскала все карандаши, какие завалялись у неё в ящике, купила коробку новых, и выдавала их девочке, как только та доделывала все письменные уроки. И Инна старалась, ей не хотелось огорчать этого доброго человека, который ей помогал. Она внимательно слушала на уроках, чтобы потом можно быстрее сделать задания и взяться за рисование.

У первоклашек оставался последний урок, а потом кто пойдёт на продлёнку, кого заберут бабушки-дедушки или родители.

Прозвенел звонок, все ребята расселись по партам, только Инночка как приклеенная стояла у окна.

— Инк, — дёрнул за рукав её одноклассник.

Ариадна Андреевна выглянула в окно, и сразу увидела, что же там так заинтересовало девочку. На пригорке примостилась группка ребят с мольбертами, скорее всего из второй смены, у них в это время бывали уроки с местным художником Игнатием Романовичем. Учительница подошла к девоч-

ке и, тронув ту за плечо, отвлекла от увиденного.

— Инночка, урок начался, пора садиться за парту.

Инна подняла на учительницу глаза и в них плескалась такая невысказанная боль, что у Ариадны Андреевны сжалось сердце.

После урока, уже распустив всех детей по домам, она часто в мыслях возвращалась к случившемуся, понимая, что надо как-то девочку всё-таки учить. Пара её выпускников прошлогодних занимались у этого художника. Ариадна Андреевна сомневалась, но всё же решилась узнать координаты мужчины и позвонить. Надежды было мало, так как человек этим зарабатывал, но всё же.

Просить — процедура не особо-то приятная, но Ариадна Андреевна собралась с духом и позвонила по добытому номеру. У Игнатия Романовича оказался очень приятный голос: немного тихий и какой-то вкрадчивый, но отторжения он не вызывал.

— Здравствуйте, Игнатий Романович, меня зовут Ариадна Андреевна, я учительница начальных классов в школе, — вежливо начала учительница. — У меня к вам деликатная просьба, — тут же поймала себя на мысли, что как-то двояко начала, но вздохнув, продолжила, — не могли бы Вы посмотреть одну мою первоклассницу, она очень хорошо рисует для своих лет.

— Здравствуйте, — поздоровался художник. — А почему

звоните Вы, а не родители?

— Понимаете ли... — Ариадна Андреевна замялась.
— Родители...

— Родители считают рисование детской забавой? — подсказал Игнатий Романович. — Знаю, знаю такое. Давайте я посмотрю всех ваших детей, может, есть такие кто захочет у меня учиться? И Вашу девочку тоже посмотрю. Когда у Вас будет урок рисования?

Облегчённо выдохнув, Ариадна Андреевна поделилась своим расписанием, они выбрали удобный для художника день, и оставалось только ждать.

В этот день детям было предложено посмотреть за окошко и нарисовать то, что они там увидели. Ребятам эта затея понравилась, они толпились у окна, возбуждённо переговаривались. Инночка забилась в уголок и, прихватив альбом и простой карандаш усердно начала рисовать.

Вошедшего в класс мужчину дети даже не заметили, так они были увлечены происходящим.

Поздоровавшись с учительницей, Игнатий Романович окинув взглядом деток и кивнув в сторону Инночки, спросил:

— Она?

Ариадна Андреевна подтвердила кивком и подвела мужчину к детям.

— Инна, что у тебя там? — спросила учительница у де-

вочки.

— Вот дорожка около школы, деревья, а это само окно из которого я смотрю, — пояснила свой рисунок девочка.

— А это что за комочек? — обратила внимание учительница на непонятное пятно на нарисованной дороге.

— Это собака тут сидела и чесала за ухом, я её ещё не про-рисовала, — пояснила девочка и, подняв глаза от своего творения, увидела мужчину, который с интересом рассматривал её рисунок. Девочка нахмурилась, в её окружении мужчины считали данное увлечение придурью. Помимо отца и брата, ещё имелось два дедушки родных и два двоюродных, с которыми приходилось общаться. И вся семья Инночки одобряла политику родителей в отношении художеств дочери. Что ожидать от данного мужчины она не знала, поэтому перевернула альбом и встала.

Ариадна Андреевна заметила напряжение, поэтому отвела художника в сторонку и предложила глянуть остальных детей.

Потом было приглашение детей на учёбу к художнику, в этом и в двух параллельных первых классах. Игнатий Романович набрал десять ребят на платное обучение, и одиннадцатой взял Инну, как талантливую девочку, без оплаты, и собственно на своё обеспечение, ибо карандашами и красками с кисточками никто её не снабжал.

Начальная школа пролетела для родителей Инны почти

незаметно (проблемы были, но минимальные), девочка охотно училась и с удовольствием бежала в школу. Любила оставаться на продлёнке, и отказывалась идти на какие-либо кружки. Отец предлагал отдать дочь в спорт, но тут Инна взбунтовалась. Первое же занятие по лёгкой атлетике завершилось тем, что тренер не досчитался новенькой девочки и, сообщив родителям о пропаже, пришлось искать её чуть ли не с собаками.

Нашли её сидящей около подвальной двери, в доме напротив того, где девочка жила, чумазую со слёзными дорожками под глазами.

— Что ты за ребёнок, — причитала всю дорогу мать. — Захар вон, сколько лет занимается, бегают и прыгает лучше всех в классе, а ты превратишься в неповоротливую корову.

К чему мать приплела корову, было не понятно, ибо Инна не была даже упитанной, скорее её можно было назвать тощенькой.

— Я не хочу бегать, — упрямо твердила девочка.

Родители только вздыхали, убеждаясь в том, что дочь у них однозначно не получилась.

Попытка отдать девочку ещё в пару секций провалилась, и от Инны отстали. Девочка успокоилась и продолжила с удовольствием ходить на продлёнку после уроков. Правда, домой она всегда приходила очень поздно. Как-то раз, отец возвращался с работы позже обычного. Неожиданно для самого

себя обнаружил на лавочке у подъезда собственную дочь.

— Ты чего тут сидишь? — строгим голосом поинтересовался родитель, а Инна сразу и не поняла, что это папа подошёл.

— Просто сижу, — испуганно ответила она и, вздохнув, встала на ноги, теперь уже не получится отвертеться и придётся идти домой.

Дома отец молчал, и всё время поглядывала на дочь. После ужина сказал жене:

— Может нам Инну к врачу сводить? Странно она себя ведёт.

Инна тогда про врача не поняла, а мать ответила, что перед школой проверяли и папа успокоился.

После этого случая Инночка чаще сидела в подъезде у окна, на последнем этаже. Тут обычно вечером никто особо не шастал и к ней с вопросами не приставал.

Один раз, медленно спускаясь по лестнице, она столкнулась с братом, который возвращался после своих каких-то занятий.

— Ты откуда? — удивился Захар, портфель и одежда на сестре говорили о том, что она явно не мусор вышла выкинуть в мусоропровод.

— А тебе-то что? — глянув исподлобья на брата, ответила вопросом девочка.

— Да, ничего, — пожал плечами Захар. — Мне-то всё равно, а вот мама с папой волнуются.

Отвечать ему Инна не стала, да и они уже вошли в квартиру.

Если честно, девочка брата не любила, его родители всегда в пример ставили, Захар там хороший, а вот тут Захар вообще молодец. Только Инна в их семье была самой плохой, её и не хвалили вовсе. Девочке нравилось в школе. Ариадна Андреевна её любила, а Игнатий Романович-то как радовался её успехам.

В третьем классе случилась ситуация, в которой чуть не вскрылось, что Инна занимается рисованием. В школе проходила неделя посвящённая творчеству А.С.Пушкина, и ребят попросили нарисовать сюжет из произведения «Руслан и Людмила». Собственно дети изучали-то только самое начало, где дуб зелёный с цепью золотой и котом учёным. Ну и рисовали они кто кота, кто русалку. Инна тоже взялась поучаствовать, и нарисовала очень красивый рисунок, у более старших ребят лучше не нашлось.

И все эти художества были развешены в школе на стенах первого и второго этажа. Когда Инночка видела свою работу на стене, ей было приятно, и она гордилась, что вот теперь все смотрят, как она красиво нарисовала. Мама уже давно не водила её в школу, и девочка чувствовала себя безопасно.

Так уж совпало, что в эти дни у третьеклашек проходили родительские собрания, и мама, пришедшая пораньше, заняла себя разглядыванием рисунков детей, висевших на стене. Фамилию дочери на одном из шедевров детского творчества

она разглядела не сразу, но когда проходила мимо второй раз, всё-таки поняла, что это именно её Инна нарисовала.

Ариадна Андреевна столкнулась с матерью девочки у кабинета, и сначала не поняла в чём претензия:

— Где Инна рисовала рисунок для вот этой выставки?

— На уроке изо, — не моргнув глазом соврала учительница, в надежде на то, что никто из других родителей её не услышал.

В классе имелись такие мамы, которые отслеживали все школьные работы детей не только по основным предметам, но интересовались и рисунками своего чада, и изделиями урока труда. А уж они-то знали, что рисунки к Пушкинской неделе рисовали в свободное от уроков время.

Вера Сергеевна устало вздохнула, но учительнице поверила.

Приближался выпускной в четвёртом классе, ничто не предвещало беды. Вся параллель Инночки училась во вторую смену, и девочка радовалась, что она спокойно может ходить на занятия к Игнатию Романовичу по утрам, когда родители и брат на работе-учёбе.

Тёплым майским днём Инна с остальными учениками художника сидели на пригорке у школы с мольбертами. Почему мать девочки не позвонила дочери, а прибежала в школу искать, никому не ведомо, может, была в растерянности. Не обнаружив дочь дома, она побежала к школе. Может

быть, и не заметила бы, да путь её от дома был именно через этот пригорок, где она почти сразу увидела дочь.

— Инна! — крик женщины разорвал пространство, обернулись все люди, кто был рядом, и все дети, сидевшие у мольбертов.

— Мама? — Инна привстала со своего места и испуганно посмотрела на родительницу.

— Пойдём домой, нам надо ехать к бабушке, дедушка умер, — выпалила Вера Сергеевна, ошарашенно глядя на детей с карандашами, она ещё не осознала, что тут происходит.

— А школа? — Инна ещё не очень поняла про «умер», но она знала, что ей через час надо быть на первом уроке.

— Я позвоню учительнице и сообщу, что тебя сегодня на уроках не будет.

Инна собрала вещи и с тоской в глазах посмотрела на Игнатия Романовича. Она не понимала реакции матери и не знала чего ей ждать в дальнейшем.

Несколько ближайших дней были суматошными и, Инна совершенно не понимала, зачем её выдернули из школы и привезли к бабушке, она тут только под ногами путалась. Захара, кстати, не трогали, так как у него были экзамены.

Три дня мать забирала Инну с собой утром и вечером они возвращались обратно, и девочка просто ложилась спать, чтобы утром ехать с матерью вновь.

Потом были похороны и поминки. Захар даже не смог

прийти на данные мероприятия, так как у него проходили итоговые контрольные работы. А Инна недоумевала, что она делает в доме у бабушки, где все суетятся, и её будто не замечают. Она не понимала в чём её роль в этом действе.

— Инка не путайся под ногами, — как-то прикрикнула на внучку бабушка.

— Почему не помогаешь? — как-то спросила мать.

— А что мне делать? — предприняла попытку девочка узнать, чего от неё хотят, но мать уже убежала, даже не дослушав вопрос дочери.

В доме были занавешены все зеркала, лица взрослых были печальны и строги. Инна и так каждый раз получала от бабушки и деда вечные нотации о том, какой ей надо быть, чему учиться и слушаться родителей. Сейчас же тут царил странная атмосфера, которую идентифицировать девочка не могла. Она поняла, что умер дедушка, что теперь его больше нет. Но в груди почему-то ничего у неё не шелохнулось. Мать постоянно была заплаканной, и подходить к ней Инна не решалась, не зная как утешить и нужно ли ей это.

Бабушка была с опухшими глазами и покрасневшимся лицом. Пару раз Инна заходила на кухню и видела, как взрослые выпивали, и говорили: «За упокой души», «Пусть земля ему будет пухом». Она понимала, что это про дедушку, но опять же разъяснений никаких не последовало, все, что происходило вокруг, девочка просто наблюдала и придумывала себе какое-то объяснение.

После очередного бабушкиного замечания, что она под ногами путается, девочка нашла укромный уголок, ручку и чистые листы. Чтобы не мешаться больше, она нашла себе занятие. На стене висела фотография деда, и Инна тихонько перерисовывала портрет.

— Ты что тут делаешь? — мать выхватила у дочери рисунок.

Был уже поздний вечер и оказалось, что Инну потеряли, она настолько увлеклась рисунком, что не услышала, как её звали. Девочка молча поднялась и настороженно уставилась на мать. Что отвечать на этот вопрос она не знала.

— Что ты всегда такая странная? — повышенным тоном спрашивала мать. — Я тебя спрашиваю, что ты тут делаешь, а ты молчишь? Почему ты всегда молчишь?

— Я не знаю, что ответить, — Инна вжала голову в плечи и опустила голову.

— Почему ты не со всеми на кухне, почему ты тут малюешь свои каракули? — уточнила свой вопрос Вера Сергеевна.

— Потому что бабушка сказала, что я мешаюсь под ногами, — всё так же тихо ответила Инна.

В этот момент подошла бабушка и, забрав у дочери рисунок внучки, посмотрела на художества и заплакала.

— Ну вот, теперь ещё и бабушку довела до слёз, — всплеснула руками мать и подтолкнула дочь к выходу из комнаты. — Иди, одевайся, домой едем.

— Ну, вот что за дочь у меня? — вопрошала мать уже дома.

Инна вообще надеялась, что молчание матери по пути домой будет продолжаться и дальше, но надежда не оправдалась. Нотации начались сразу, как закрылась дверь квартиры.

На вопрос матери девочка ответа не нашла, поэтому по обыкновению молчала.

— Инна, чего ты молчишь?

— А чего ты от меня хочешь? — глянув исподлобья на мать, ответила дочь.

— Я хочу понять, что не так? Умер твой дедушка, мой папа, а тебе всё равно. В кого ты такая чёрствая?

Инна растерянно посмотрела на мать, и поняла в этот момент, что она не прочувствовала утраты деда. А ещё она поняла, что если умрёт и её папа, она в принципе не расстроится. В этот момент она сама почувствовала себя виноватой и какой-то неправильной. Поэтому матери она ответила всего лишь пожав плечами.

Тут во входной двери послышался звук поворачиваемого ключа в замке. Пришёл папа.

— Что шумим у двери? — задал он вопрос у порога.

— Да вот, пытаюсь понять нашу дочь, — вздохнула Вера Сергеевна. — Она ведь по деду даже слезинки не проронила.

Олег Владимирович пристально осмотрел дочь и спросил:

— Инна, ты, что действительно никого не любишь?

Внутри девочки всколыхнулась волна возмущения:

— А почему я должна любить тех, кто не любит меня?

Почему вы все считаете, что я плохая всегда и во всём, при этом хотите, чтобы я вас любила за это? Может было лучше не рожать меня? Или мне самой умереть, чтобы вам хорошо было, — выкрикнув всё это, Инна умчалась в свою комнату, со всей силы захлопнув за собой дверь.

Мать и отец растерянно посмотрели друг на друга, они искренне недоумевали, почему их дочь считает, что её не любят.

— Поговорила бы ты с ней, — предложил Олег Владимирович жене. — Или у неё переходный возраст начался?

Вера Сергеевна пожала плечами и постучала в комнату дочери. Вообще она никогда раньше не стучала, считая, что маме позволено входить в комнату детей в любом варианте, и у детей секретов от неё быть не должно. В особенности у дочери.

— Я не хочу никого видеть, — громко прокричала дочь в ответ на стук.

Вера Сергеевна неуверенно посмотрела на мужа и, вновь пожав плечами, прошла на кухню. Она не понимала, что она делала не так. Ведь с сыном никаких проблем не было. Ей казалось, что она не делает различий между детьми, и дочь она тоже любила. Хотя, конечно, послушание и поведение Инны оставляло желать лучшего, но женщина никак не ду-

мала, что дочь считает себя не любимой.

К ужину девочка не вышла, а мать вспомнила про то, где она нашла дочь в день смерти отца.

— Она рисует? — удивился отец.

— Видимо да, я в суматохе подзабыла, а сейчас вот вспомнила. Что делать будем?

— Думаю, учительница была в курсе, — высказал своё предположение Олег Владимирович. — Сходи в школу, поговори с ней. Это не дело, когда учительница решила за родителей, чем следует заниматься ребёнку, а чем не следует.

— Хорошо, схожу, — вздохнув, ответила мать Инны.

В итоге получился достаточно шумный скандал, дошедший до директора школы.

— Ариадна Андреевна, почему Вы решили единолично пристроить ребёнка к учителю рисования? — устало поинтересовалась Алла Васильевна, директор школы. Она очень не любила, когда за причуды родителей разборки прилетали ей, и всегда требовала от учителей не вмешиваться в процессы воспитания в семье.

— У девочки талант от бога, — сообщила Ариадна Андреевна. — Ну не смогла я смотреть, как она со слезами смотрит на детей, которые занимались у Игнатия Романовича. И я не буду извиняться перед матерью Инны. Девочка хоть эти четыре года была счастлива.

— Так нельзя, Вы не можете вмешиваться в то, за что от-

вечают родители. Это не Ваша роль.

— А я не могу по-другому, — Ариадна Андреевна с вызовом глянула на руководителя школы. — Я не могу позволить быть ребёнку несчастным, если я могу это изменить.

— Ну и чего хорошего Вы добились? Теперь в пятом классе девочка останется совершенно одна, Оксана Вадимовна ей навстречу не пойдёт, она с родителями воевать не будет, и ребёнок в итоге скатится по учёбе, перестанет слушать вообще всех. А так был шанс, что она успокоится, примет ту реальность, которая есть и станет обычным среднячком. А теперь мы же получим массу проблем.

Ариадна Андреевна промолчала, решив поговорить с учительницей ИЗО, которой предстояло в следующем классе учить Инну.

— Оксан, — Ариадна Андреевна заглянула в пустой кабинет к учительнице по рисованию.

— Привет, — улыбнулась в ответ Оксана Вадимовна, — редко заглядываешь.

— Дела-дела... Ты тоже не балуешь меня своим вниманием, — парировала Ариадна Андреевна.

Обе учительницы учились в одном ВУЗе, только на разных факультетах. Познакомились на третьем курсе и с тех пор приятельствовали. Обе устроились в одну школу, правда теперь у каждой была семья, и до плотного общения доходило редко.

— Я к тебе по делу, в принципе, — немного виновато вздохнула учительница Инны. — У меня есть талантливая девочка, рисует, как дышит.

— И в чём проблема? — Оксана Вадимовна насторожилась.

— Да там родители со странностями, не знаю, почему их бесит увлечение дочери, но они просто вот совершенно против, чтобы только в рамках урока рисовала и всё.

— А от меня ты чего хочешь?

— Она за урок успевает нарисовать не один рисунок, и может после уроков приходиться дополнительно. Её нельзя рисования лишать.

— Нет-нет и не проси, я с родителями связываться не буду, — Оксана Вадимовна отрицательно замотала головой.

— Оксана, ну ты чего? — удивилась Ариадна Андреевна. — Ты же раньше старалась войти в положение ребёнка, помочь. Что случилось?

— Что случилось, что случилось... — учительница ИЗО хмуро посмотрела на подругу. — Родители случились, самодуров сейчас хватает, а мне моё спокойствие дороже. Я несколько лет назад одному мальчишке помогала, так его бая до министерства образования дошёл. Не помнишь?

Ариадна Андреевна молча опустила голову. Она помнила тот скандал. Отец мальчика видел в сыне каратиста-дзюдоиста, а мальчик мечтал рисовать. И ведь талантлив был не меньше Инночки. Все восхищались его шедеврами, ещё

во втором, третьем классе. Но папа, почему-то спохватился именно в пятом, и досталось в итоге Оксане Вадимовне.

Мальчишку отец потом перевёл в другую школу, в кадетский класс, чтобы он ерундой не страдал, а становился мужиком. А учительница, попавшая под раздачу, чуть не уволилась, благо коллеги поддержали её и помогли справиться с негативом.

Ариадна Андреевна вышла от подруги в подавленном состоянии. Ей очень хотелось помочь Инночке, но она прекрасно понимала, что не всё зависит лично от неё.

— Ладно, впереди ещё целое лето, может что-то и придумаю, — пообещала себе Ариадна Андреевна, ещё не подзревая, что за это лето в её жизни всё изменится на столько, что ей самой уже будет не до Инночки.

— Может пусть рисует? — в один из вечеров спросила у мужа Вера Сергеевна, когда Инна бойкотировала уже третий день кухню. Девочка просто отказывалась есть, после запрета посещать Игнатия Романовича.

— Нельзя сдаваться, — со знанием дела ответил Олег Владимирович. — Дети хитрые, им только дай слабинку, они на шею сядут. Раз уж мы взяли курс на запрет рисования, то надо идти до конца. Инна подуркует и смирится. Ну, не получилось у нас воспитать хорошую дочь, значит надо, по крайней мере, держать её в строгости. Иначе совершенно от рук отобьётся. И тогда уж за голову будут хвататься все.

Вера Сергеевна с мужем согласилась, хотя периодически глядя на зарёванное лицо дочери внутри всё сжималось, и ей бывало, хотелось купить коробку с красками и альбом, только бы ребёнок занялся любимым делом и успокоился.

А потом Инна сбежала, сразу после выпускного. Собственно она и ждала, когда закончится школа, чтобы Ариадна Андреевна не волновалась. Дома девочка почти не ела, вернее она обедала, когда пока все были на работе, а вечером запиралась в комнате и отказывалась общаться с семьёй.

Выпускной прошёл почти весело, Инна даже улыбалась, а потом, придя домой, показала на глаза маме и даже охотно вызвалась помочь и вынести мусор. После этого девочку родители искали два дня, с полицией. Нашли в подвале через пять домов. В тепловом центре на батарее девочка устроила себе лежанку, и изрисовала все стены углём. На удивление, в этом подвале не было бомжей.

Когда её нашли, то впервые она была выпорота ремнём. Отец был настолько зол, что его лицо, обычно такое бледное, было почти бардовым.

— Что ты за человек, Инна? — приговаривал папа, наказывая дочь. — У тебя тёплый дом, своя комната, ты обута и одета, тебя любят, но при этом ты вытворяешь чёрте что. Мать чуть рассудка не лишилась, когда ты пропала, я приобрёл новые седые волосы. Как можно быть такой эгоисткой?

Инна лежала на кровати и зажмуривала глаза на каждый удар ремня, но не плакала. Когда она поняла, что её будут

наказывать телесно, пообещала себе, что ни кто из взрослых не увидит в её глазах ни слезинки.

Буквально через неделю после выпуска своего класса Ариадна Андреевна узнала, что беременна. И к сентябрю стало понятно, что новый класс она просто не потянет. Беременность протекало совсем не гладко, и учительница часто лежала в больнице на сохранении. Поэтому в школе она была переведена только на продлёнку.

ГЛАВА 3. Граффити

Инна осталась совсем одна в мире равнодушных взрослых. Был друг Богдан, с которым она сидела за одной партой с первого класса. Именно в подвале его дома пряталась девочка при своём побеге, именно он приносил ей еду. Да собственно он и рассказал про этот подвал, где иногда собирались местные компании, но в целом там чаще было тихо и спокойно. С девочками Инна не особо ладила, ей было скучно с ними.

Пятый класс немного пугал, так было много новых учителей и беготня по разным кабинетам. Классная руководительница преподавала русский язык и литературу, показала милой и приветливой. Но Инна понимала, что это уже не Ариадна Андреевна.

Второго сентября девочка пошла проведать свою первую учительницу, но в классе, где она училась предыдущие четыре года, была не Ариадна Андреевна, а другая женщина.

— Здравствуйте, — поздоровалась Инна. — А Ариадна Андреевна теперь тут не работает?

— Она теперь только на продлёнке, — с улыбкой ответила женщина. — А в данный момент она лежит в больнице.

Инна растеряно посмотрела на женщину и, вздохнув, ушла.

Жизнь начала казаться совершенно беспросветной и ка-

кой-то жутко тоскливой.

Уроки ИЗО не радовали, так как рисовать то же, что и одноклассники было совершенно не интересно, а если Инна отвлекалась от темы урока, то получала плохие оценки. И она опять начала бунтовать. Рисовала какие-то каракули, получала за это двойки, после чего демонстративно выкидывала свои рисунки в мусорную корзину. По остальным урокам она тоже медленно и уверенно скатывалась вниз. В начальной школе она не была отличницей, но училась хорошо, троек не было. Теперь ей стало наплевать.

Под конец первой четверти стала прогуливать уроки. Вызовы родителей не возымели никакого эффекта. Дома девочка даже не отвечала на вопросы матери и отца, просто молчала, опустив глаза к полу.

Во второй четверти Инна прогуляла целую неделю, и мать в кабинете директора поделилась тем, что не знает, что ей делать.

— Она молчит, с нами не разговаривает. После прошлогоднего побега из дома, отец её наказал ремнём, так она не проронила ни слезинки. Как её наказывать я не понимаю.

— Но в начальной школе она же хорошо училась? — заметила Алла Васильевна.

— Да, а теперь вот, как с цепи сорвалась, — развела руками Вера Сергеевна.

— Может разрешить ей рисовать? — осторожно и тихо

предложила директор.

— Я уже думала об этом, но муж против, он считает, что потакать прихоти дочери неправильно. Я бы сама уже сда-лась, пусть бы рисовала, — мать Инны опустила голову.

Алла Васильевна посмотрела на женщину, сама не зная, что ей предложить. Она-то видела единственный выход, а именно позволить заниматься ребёнку рисованием, но так как по жизни с такими родителями она не раз сталкивалась, то знала — переубедить упёртого мужика, это дело непосиль-ное.

— Попробуйте поговорить ещё с мужем, иначе, боюсь, мы не сможем повлиять на вашу дочь. И в итоге она выйдет со школы со справкой, и всё.

Школа, в которой училась Инна, была довольно прилич-ной по качеству образования, и на хорошем счету. Девочка портила всю статистику. Педсовет первого полугодия, перед Новым годом по подведению итогов, скатился к обсуждению пятиклашки, прогулявшей больше половины уроков второй четверти.

— И ведь не дурочка, — грустно сообщала классная руко-водительница. — Я же знаю, она не учит уроки, но если бы-ла накануне в школе и сидела в классе, на следующий день её можно спросить, она всё ответит. У девочки хорошая па-мять, а картинки она может описать точно, даже в мелких деталях.

Ариадна Андреевна уже была в декретном отпуске, и так

как последнее время до этого почти постоянно проводила в больнице, ничего о происходящем не знала. Учителя, зная о тяжёлой беременности ей говорили, что всё хорошо, стараясь не волновать.

Юлия Викторовна, классная руководительница в классе Инны, как-то выловила девочку после своего урока и оставила её в классе, решив поговорить:

— Инна, ты долго будешь бегать с уроков?

Девочка опустила голову и привычно пожала плечами.

— Ты же умная девочка, — учительница старалась говорить тихо и ласково. — Я знаю, ты хочешь рисовать, а тебе не разрешают.

Инна вскинула голову и пристально посмотрела учительнице в глаза, в детском взгляде отразилась такая вселенская надежда, что у Юлии Викторовны похолодело в груди.

— Да, не разрешают.

— Но ты же можешь рисовать в тетрадях, даже на литературе. Вот смотри, в тетрадке есть поля, — учительница открыла первую попавшуюся тетрадь и показала край, где обычно оставалось пустое место. — Тут можно рисовать, даже ручкой. Лично мне будет интересно проверять твою тетрадь, если там будет красивый орнамент. А ещё на литературе мы проходим разных персонажей, ты могла бы рисовать их, какими ты их видишь. Людей умеешь рисовать?

— Да, умею, а можно? — взгляд девочки потеплел и уже

перестал быть таким колючим.

— Можно, думаю и остальные учителя не будут против, если ты разрисуешь поля в тетради, а на биологии и истории можно рисовать в тетради по теме урока, там очень большое поле для творчества.

Инна задумалась. Девочка настолько зациклилась на своём горе, что сама не увидела возможности выйти из тупика.

Этот разговор случился в феврале месяце, и с этого момента Инна стала посещать все уроки, до хорошистки не дотянула по нескольким предметам, но в целом подтянулась и перестала прогуливать школу.

Мать заметила перемену в дочери, но заострять внимание на этом не стала, хотя подозревала, что что-то случилось, раз дочь успокоилась и стала послушно посещать учебное заведение. Женщина решила, что пусть уж лучше так, чем бунт и молчаливая война.

Уже в мае, когда пятый класс подходил к своему логическому завершению, Инна случайно выронила тетрадку по литературе прямо перед отцом. И надо же такому случиться, что тетрадь открылась на последнем рисунке девочки, где ручкой были изображены два мальчика.

— Это что такое? — отец не дал дочери поднять тетрадь, наступив на неё. Поднял сам и внимательно рассмотрел рисунок.

— Это Том Сойер и Гекльберри Финн, мы сейчас проходим по литературе, — вжав голову в плечи, ответила Инна.

— И зачем ты их нарисовала? — надменно поинтересовался отец.

— Потому что захотела, — Инна подняла подбородок и с высоты своего небольшого роста посмотрела на отца, будто свысока. — Можешь бить, только ручку не отберёшь, мне нечем в школе будет писать, — после этих слов выхватила у отца тетрадь и скрылась в своей комнате, громко хлопнув дверью.

Отец вздохнул, сердито посмотрел на жену и потом сам несколько дней играл в молчанку.

Приближалась годовщина смерти бабушки, и вся семья поехала на кладбище. Инна не хотела ехать, но мать настояла и девочка сдалась.

Вся близкая родня приехала помянуть усопшего год назад мужчину, все в чёрном и очень грустные. Даже Захар поехал, что удивило Инну.

Пока взрослые что-то обсуждали, разливали спиртное по рюмкам и поминали, Инна рассматривала надгробия вокруг, обходя внимание своего усопшего родственника. Но когда она обратила внимание на могилу деда, то остановилась как вкопанная. На каменной плите в рамке висел тот самый портрет, который она нарисовала год назад. Это был именно тот рисунок, за который её отругала мать.

На глаза девочки набежали слёзы, стало до боли обидно. Её отругали, но посчитали рисунок достойным портретом бабушки, при этом больше рисовать не разрешили,

и не подумали извиниться. Она пострела на взрослых, которые о чём-то разговаривали, пили спиртное из рюмок и закусывали. Обида тяжёлой волной прокатилась внутри, и она медленно пошла прочь, ни кем не замеченная.

Инна брела по кладбищу, сначала обида затопила всю её, и девочка не замечала куда идёт, потом она отвлеклась на красиво оформленное надгробие и стала оглядываться по сторонам. Только дорогу она не замечала, её интересовали портреты на каменных плитах и надписи.

Кладбище было большим и старым, чем дальше Инна уходила вглубь, тем темнее становилось. Деревья были высокими, кустарники разрослись вширь так, что иногда тропинка убегала куда-то в заросли, и приходилось продирааться сквозь ветки.

Пробираясь по старой части кладбища девочка набрела на стену, и так как прохода сразу не обнаружилось, она направилась вдоль препятствия. Шла она минут пять, когда в стене обнаружился проём. Инна выглянула и обомлела.

Стена, огораживающая кладбище была вся изрисована рисунками и непонятными словами. Чуть поодаль располагались рельсы.

Девочка пошла вдоль стены и заметила парней, которые распыскивали на стену краску из баллончиков.

— Мелкая, ты чего тут гуляешь? — оторвался от творчества один из художников.

— Просто гуляю, — ответила Инна. — А вы чего тут делаете?

— Граффити рисуем, — парень с усмешкой глянул на девочку.

— Граффити? — это слово девочка услышала впервые.

— Ага, на стенах рисуем, — уточнил паренёк.

— А можно мне попробовать? — набравшись смелости, спросила Инночка.

— Ты рисовать умеешь? — оторвался от своего занятия второй парень.

— Да, только вот из баллончиков никогда не пробовала, — искренне поделилась девочка.

Парни переглянулись и весело кивнув, объяснили технику нанесения рисунка. Им самим стало любопытно, что же эта малявка сможет нарисовать, хотя один из друзей сам рисовал с раннего детства.

К разбору процесса рисования граффити Инна подошла основательно, запомнила всё, что объяснили парни, рассмотрела примеры пузатых букв, которые располагались поблизости, они ей понравились больше, чем резкие и угловатые. Потом она прикинула весь спектр красок, который был у ребят, и принялась за работу.

Сначала она попробовала просто распылить краску, чтобы понять, как та ложится на холст в виде бетонной стены, а потом начала творить. Два последних месяца она тренировалась, как рисовать ручкой себя. Даже подобрала вариант,

как нарисовать автопортрет несколькими штрихами. Сейчас это пригодилось.

Девочка забралась на лестницу и начала.

Парни, стоя в сторонке, сначала посмеивались, но когда увидели узнаваемое лицо девочки на пол стены, притихли и уже пристально и серьёзно наблюдали за юной художницей. Инна завершила рисунок, разукрасив волосы разноцветными прядями, и вплела сверху своё имя из пузатых букв, спустилась с лестницы и довольно посмотрела на парней. Рисунок был выполнен в самой простой технике, достаточно грубо, но результат впечатлял.

Оба молодых человека синхронно показали жестом «класс» (поднятый вверх большой палец руки) и уважительно покачали головами:

— Талант, бесспорно! Это твоё имя?

— Да, — Инна немного смутилась.

— Давай знакомиться, — предложил второй парень.

Только в этот момент за стеной послышались голоса, зовущие девочку.

— Ой, меня ищут, — испуганно оглянулась Инна.

— Если в ту сторону идти, там второй выход с кладбища есть, — сообщил один из парней, показав в противоположную сторону от того места, где вышла к стене Инночка.

— Спасибо, — крикнула девочка и убежала туда, куда было указано.

Она проскочила в проход, а потом побрела в сторону го-

лосов. На ругань она уже больше не обращала внимания, как всегда промолчала на вопросы взрослых, в голове прокручивая, как бы ей самой добраться завтра сюда.

Кладбище стояло немного за городом, и добраться можно было только на автобусе. Вопрос был, где раздобыть денег.

Инночка карманных денег имела мало, да собственно, как-то раньше не задумывалась об этом, школа у неё была рядом, если она куда-то ехала, то с родителями. Вкусностями она была обделена редко, да и неприхотлива оказалась. Нет шоколадки, да и не надо, она себе могла сделать бутерброд с колбасой и остаться совершенно довольной. Мать почему-то думала, что сладкое это вкуснейшее лакомство, а Инна любила колбасу и что-то мясное в целом, и предпочитала лакомиться именно так. От конфеты она в целом не отказывалась, но съесть могла не сразу. Это Захар в их семье был главным сладкоежкой. По нему собственно и судили.

В доме имелась общая копилка, куда мама и папа скидывали мелочь. Инна прибежала со школы и полезла в коробочку посмотреть, сколько там мелочи.

— Ого, а тут прилично, — девочка поковырялась в монетах, только была единственная проблема, она совершенно не знала, сколько стоит проезд.

Насчитав себе мелочи в районе ста рублей, девочка быстро пообедала и убежала на остановку.

В этот день добраться до кладбища ей не удалось, так как

от дома надо было добираться сначала на транспорте до вокзала и там уже садиться на междугородний автобус. Инночка не унывала, она узнала маршрут автобуса от дома, как удобнее ехать, выяснила цену на междугородний автобус, и поняла, что если завтра она оперативно соберётся, то успеет. Денег у неё осталось чуть больше шестидесяти рублей, из копилки можно было прихватить ещё рублей двадцать, на всякий случай, а так ей должно было хватить.

Она пока ещё не думала о том, что если будет часто запускать руку в коробочку с мелочью, то родители заметят убыль. Ей главное было добраться до той стены и найти парней рисующих граффити.

На следующий день Инна добралась до кладбища, но парней у стены не обнаружила, задумалась, потом нашла у дороги обломок кирпича и нацарапала свой номер телефона там, где парни остановились в своём творчестве, и подписала, что это Инна. Тщательно разглядела все предыдущие художества и отправилась домой. Было немного грустно, но она себе пообещала, что приедет сюда ещё не один раз.

В третью попытку проблемы начались уже на входе к могилам, она наткнулась на мужчину, который обратил внимание на празднично шатающуюся одинокую девочку, окликнул её и поинтересовался:

— Ты чего тут делаешь, одна?

— Я не одна, тут моего дедушку хоронили год назад, мои родители вперёд ушли, — соврала Инночка. — Поминки

у нас.

Мужчина недоверчиво посмотрел на девочку, нахмурился, но решил поверить.

— А ты чего не с ними? — любопытствовал сторож кладбища (а это был именно он).

— Я отстала, тут иногда такие интересные плиты на могилах встречаются, я засмотрелась, — заливала соловьём Инночка.

Мужчина опешил от ответа, совершенно не ожидая услышать такое от девочки. А Инна, воспользовавшись замешательством собеседника, сказала:

— Ну, я пойду догонять своих, до свидания, — и побежала в сторону стены.

Мужчина озадаченно посмотрел девочке вслед, которая рванула к старой части кладбища, там сейчас уже никого не хоронили.

В этот день Инночкины волнения увенчались успехом, два парня самозабвенно раскрашивали стену.

— Привет, — радостно воскликнула она, как только вышла за стену, через проём.

— О, юное дарование, ты чего тут? — оторвался от рисунка один из парней.

— Дорисовать хотела, — Инна немного растерялась, она-то надеялась, что её тут помнят, а про неё по ходу уже и забыли.

Тут с лестницы спустился ещё один парень, который был

из этих двоих самым разговорчивым, этот видимо её не забыл:

— А я всё думал, вернёшься ты или нет.

— Я уже два раза приезжала, вас тут не было, — сообщила Инна.

— Ну да, мы сюда не каждый день приезжаем, у Дэна экзамены были, он одиннадцатый класс заканчивает.

Инна выдохнула и улыбнулась.

Парней звали: молчаливого Денисом, среди своих Дэном, а разговорчивого Матвеем, правда все его иначе как Мотей и не кликали.

Инна дорисовала свой автопортрет, там оставалось то не так и много.

— Почему решила себя нарисовать? — любопытствовал Матвей.

— А это единственное на данный момент, что я рисовала в несколько линий. Всё остальное я бы баллончиком не смогла изобразить. Учиться надо, — серьёзно ответила девочка.

— В художке учишься? — вдруг поинтересовался Дэн, отвлёкшись от творческого процесса.

— Нет, мне родители вообще рисовать не разрешают, — Инна моментально погрузилась.

— Как это? — участливо спросил Матвей.

Девочка рассказала о своей нелёгкой доле.

— Надо же, даже так бывает, — сказав это, Дэн сменил

баллоны с краской и опять погрузился в творчество.

— А можно я буду вам помогать и потихоньку учиться, — Инна тронула Матвея за руку. — Я быстро учусь.

— Попробуем. А ты как сюда добираться?

— Через кладбище. А сюда как-то ещё можно добраться?

— Да, есть тропка в обход, вернее надо выйти на остановку раньше, поедem в город, я тебе покажу. Оттуда ближе даже получается. На кладбище сторож гоняет. Это он пока тебя ещё не знает, а как примелькаешься, может и полицию вызвать.

Матвей выдал девочке пару баллонов с краской и показал, что той делать. Угловатые буквы ей не очень нравились, но именно рисовать их было интересно. Она понимала, что краска стоит денег, поэтому готова была просто помогать рисовать то, что надо ребятам, и заодно осваивать технику граффити.

Примерно через час Дэн сообщил, что пора домой, и парни начали собирать весь свой ценный скарб. Потом они шли в обход до остановки, Инна запоминала дорогу. Уже на остановке обменялись телефонами с Матвеем, Дэн посчитал, что мелкая им особо-то и не нужна. Мотя был добрее, и у него имелась своя сестрёнка немного помладше Инны, которую он очень любил. Впечатлившись историей девочки он захотел ей помочь.

ГЛАВА 4. Брат

Домой Инна успела вернуться до прихода родителей, и её отсутствие прошло незамеченным.

Через две недели девочка уже раза три ездила с парнями рисовать на стене, с содроганием она поглядывала в шкатулку с мелочью, каждый раз думая: «заметят или нет?»

Это был конец мая, и уроков было уже не много, домашних заданий почти не задавали, годовые оценки только ещё в дневники не выставили. Инна пришла со школы достаточно рано и думала, что она тут одна.

Открыв шкатулку с мелочью, она перебирала монетки, прикидывая, если она сегодня опять возьмёт оттуда деньги — будет заметно, или нет?

— Чего ты там лазишь? — за спиной раздался голос брата.

Инна подскочила от испуга и, развернувшись, встревоженно уставилась на Захара. Брат тем временем подошёл ближе и, кивнув на деньги спросил:

— И как часто брала оттуда?

Девочка опустила голову, ей хотелось провалиться сквозь землю от стыда, и она поняла, что теперь ей опять больше не порисовать.

— Не дрейф малая, я тебя не сдам, — заявил брат, и Инна неуверенно подняла голову и посмотрела в глаза Захару, ей показалось, что она ослышалась.

— Не расскажешь? — уточнила девочка.

— Нет, конечно, только ты мне должна рассказать, зачем брала деньги.

Инна вздохнула, не зная стоит ли доверять брату или нет. Отношения между братом и сестрой были достаточно прохладные, хотя военных действий не наблюдалось. Он был старше её на шесть лет, и сейчас заканчивал одиннадцатый класс. Она для него была младшей сестрой, на которую и внимание-то обращать не стоит. Инна его не любила, так как родители всегда хвалили Захара и ставили ей в пример, и это надоело до колик ещё в раннем детстве.

— Я езжу рисовать граффити, на стене за кладбищем, — решила-таки выдать свою тайну Инна.

— Понятно, — Захар вздохнул, ещё раз глянул в шкатулку, и спросил: — Сегодня тоже ехать собралась?

Инна кивнула и пристально пострела на брата. Тот недолго думая закрыл шкатулку и, достав из кармана сторублёвую купюру, протянул сестре.

— Мне деньги дают, поэтому лучше просто попроси у меня.

Девочка неуверенно протянула руку за деньгами, ожидая подвоха. Но Захар спокойно отдал ей сто рублей, улыбнулся и ушёл к себе в комнату.

Слово своё он сдержал и родителям её не выдал, ещё и сообщил маме, что воспользовался мелочью из копилки, не хватило ему на что-то. Захара за это ругать не стали, мать

даже наоборот похвалила и напоямила:

— Для этого и собираем мелочь, когда вдруг не хватит чуть-чуть, перехватить всегда можно в коробочке.

Инна на следующий день выгребла из своего стола все конфеты, да пару шоколадок и отнесла брату, поблагодарив.

— Откуда такие богатства? — удивился Захар, от вида сладкого у него заблестели глазки.

— А я не очень люблю конфеты, — Инна пожала плечами и, улыбнувшись, удалилась к себе.

Захар теперь часто был по утрам дома, кроме дней, когда у него были экзамены. Консультации у него заканчивались раньше сестры, а на тренировки он просто забил, так как собирался поступать в другой город.

Инна на следующий день вернулась из школы и застав брата дома, хотела уже к себе в комнату спрятаться, и посидеть там тихонечко, порисовать в тетрадях, после учебного года там осталось много листочков.

— Инн, — брат не дал девочки скрыться в своей комнате.

— Чего? — она насторожилась.

Инна совершенно не понимала брата, они были из разных вселенных, он взрослее и когда она была маленькой, он уже учился в школе и тренировался, ему было не до мелкой, и пока она росла, только и слышала от родителей, какой Захар хороший и прилежный. Она, соответственно была порицае-

ма, поэтому просто старалась не попадаться ему на глаза.

— Пойдём, что покажу, — парень улыбнулся и поманил сестрёнку за собой.

Инна робко вошла в комнату брата, там на столе светился экран компьютера.

— Предлагаю тебе попробовать рисовать на компе, — Захар с хитрой улыбкой кивнул в сторону агрегата на столе.

— На компьютере? — Инна удивлённо переспросила.

Девочка с техникой не особо дружила. Информатики у неё пока не было в школе, сама она не горела желанием изучать технику. Даже телефон у неё был самый простой с какими-то непонятными игрушками, в виде змейки. Одноклассники могли просидеть всю перемену, удлинняя эту самую змею. У некоторых уже были более модные телефоны, с играми поинтереснее, но девочка была к этому равнодушна. Она предпочитала лишнюю минутку потратить на рисование.

— Да, там есть программка, в ней можно рисовать. И мне кажется за этим вариантом будущее, если научишься рисовать в компе, сто пудов потом себе профессию найдёшь по душе.

Инна смотрела на брата во все глаза и не понимала:

«Он серьёзно мне помочь хочет?»

— Давай-давай, — брат легонько подтолкнул сестру к креслу. — Я уеду, комп тебе достанется, я его с собой не потащу. Родители обещали мне ноут купить.

Потом они сидели рядом, и девочка училась выводить линии мышкой. Брат реально искренне радовался, когда у неё получалось.

— Я слышал, что есть какой-то графический редактор, тоже будет полезно тебе.

Позже он установил на комп «Фотошоп» и предложил сестре осваивать данную программу самостоятельно.

— Если вопросы будут, поищем в интернете, но как в нём работать я не в курсе. Так, что методом тыка придётся тебе самой осваиваться.

Инна уже чаще улыбалась Захару, и ей нравилось работать в компьютере. Она теперь поняла, что это не только для печатания и игрушек, тут можно ещё и заниматься творчеством. Карандашей, красок и альбомов не надо, поэтому можно сколько угодно самой творить.

— А почему ты мне помогаешь? — в один из дней спросила Инна у брата.

— Ты моя сестра, почему я не могу тебе помочь? — удивился Захар.

— Ну, родители против, и ты раньше не спешил мне помогать, — Инна пожала плечами.

— Я тебе открою тайну, — Захар загадочно посмотрел на сестру и с хохотом, стараясь выглядеть грозным: — Я тебе помогаю, за твои конфеты и шоколадки.

Инна рассмеялась, впервые в жизни при нём заливисто и радостно. Он её смешил, она поняла, что это шутка.

— А всё-таки? — допытывалась она. — А если мама и папа узнают.

— Я же вечерами тебя к себе не приглашаю, пусть они думают, что им хочется. Понимаешь сестрёнка, не все родители прислушиваются к своим детям, наши с тобой вот такие. Я их не осуждаю, но думаю, они, не понимая современных технологий, не очень верят, что всё вот это может приносить доход.

— К тебе же прислушиваются?

— Почему ты так решила? Я просто быстро понял, что надо быть послушным и тихим, и тогда можно получить от них всё, что захочешь. Я умею подстраиваться под обстоятельства, а ты нет. Вот и всё.

Вера Сергеевна заметила, как Захар стал общаться с сестрой, и нахваливала его перед всеми родственниками, рассказывая, как он, даже тут не смотря на непутёвость Инны, с сестрой общается и учит пользоваться современной техникой.

За три летних месяца Захар помог сестре освоиться в компьютере и в интернете. Девочка даже увлеклась, но поездки к кладбищенской стене не прекратила, продолжая обучаться граффити.

Уже в конце июля даже Дэн стал поглядывать на мелкую занозу (как он её величал при друге) с толикой уважения.

Парень был в это компании только до сентября, так как поступил куда-то в другой город. Матвей как-то сказал Инне, что, скорее всего с отъездом Дениса они не будут сюда мотаться.

— Почему? — удивилась девочка.

— Может, поездим, пока краски не закончатся, а потом я весь спектр цветов за свой счёт обновить не потяну. Ну, а ты, как я понимаю, для поездок сюда еле денег наскребаешь, — пояснил Матвей.

Инна кивнула, моментально погрузнев.

— Мне сейчас брат помогает, но он тоже уедет, поступил учиться, как и Дэн, — сообщила девочка.

— Не грусти, мелкая, — Мотя потрепал девочку за чёлку. — Если вдруг у меня найдутся ещё желающие расписывать стены, я тебе обязательно позвоню. У тебя талант к рисунку, даже я рисую хуже.

Инночка заулыбалась от неожиданной похвалы и, вздохнув, ответила:

— Буду ждать звонка.

— Но у меня у самого одиннадцатый класс, поэтому в любом случае вылазки будут редкими.

Что уж там объяснял родителям Захар, Инна не знала, но к самому его отъезду компьютер переключал в комнату девочки. Занял своё место на столе и напутствие папы, приоткрыло завесу сказанного братом:

— Это тебе для учёбы, чтобы хорошо уроки делала.

— Папа и мама не знают, что в нём можно рисовать, — шепнул позже сестре Захар, убирая свой новенький ноутбук в специальную сумку.

Теперь девочка смотрела на технику под другим углом и ноут брата её очень даже интересовал. Захар продемонстрировал накануне возможности нового агрегата, и он впечатлил девочку.

Отъезд брата на учёбу огорчил Инночку, опять она осталась одна, среди взрослых, которые не особо-то стремились понимать и принимать её. Теперь надо было быть осторожнее в компьютере, работать там, в нужных ей программах только когда родителей не было дома, а лучше всего стать совершенно незаметной.

Шестой класс прошёл как-то уж очень спокойно. Девочка училась, не так, чтобы во всю силу, но и не настолько, чтобы родителей вызывали в школу. Она была таким тихим и спокойным середнячком.

А ещё в этом классе у неё появилась подружка. Пришедшая в класс новенькая девочка с любопытным именем — Амина, которая почему-то стала предметом насмешек и подколов со стороны одноклассников. Инна, вечно сидящая в своих мыслях и рисунках, не сразу заметила движуху с негативным окрасом. Только услышав от соседки, сидевшей за партой сзади, слова:

— Опять эта нерусская выскочка...

Инночка тогда встрепенулась и огляделась, озадачившись, кого это они тут так величают.

Амина была очень красивой девочкой, но только какой-то южной и непривычной красотой. Чёрная коса толщиной в руку в классе стала предметом зависти и соответственно насмешек девочек. Большие глаза в обрамлении густых и чёрных ресниц тоже не вызывали восторга у одноклассниц, которые уже пытались краситься и конечно завидовали.

Инна не знала, какой национальности новенькая, но фамилия Алоян однозначно русской не являлась. Да собственно для неё это было не важно. Как только она поняла, что эту красивую девочку одноклассники пытаются гнобить, тут же встала на её защиту.

В классе к самой Инне относились настороженно, немного нелюдимая, но, тем не менее, не дающая себя в обиду, дружившая с тощим Богданом, и вечно что-то рисовавшая. Раз приняв, что их одноклассница странная ребята старались с ней просто не связываться. Все помнили, как она в третьем классе двинула в нос Валерке Ануфриеву, зато, что он у неё какой-то рисунок отобрал и бегал с ним по классу.

В общем, так Инна обзавелась своей первой и, наверное, самой верной подругой в своей жизни. Амина была рада дружбе, и помимо защиты от одноклассников получила ещё и массу собственных портретов, в различных техниках.

— Я бы хотела попробовать тебя написать маслом, — как-то в один из дней, в конце шестого класса мечтательно произнесла Инна.

— И в чём проблема? — удивилась Амина.

— Я не настолько профи, и давно не тренировалась. Очень хотела бы попробовать, но масляные краски дорогие, — с сожалением произнесла Инночка.

Мольберт уже давно стоял дома у Амины, так как именно тут подруга творила свои шедевры. Захар приезжал на новогодние каникулы и привёз сестре набор для рисования, там были и карандаши, и мелки пастельные и сепия, и угольные.

— Только родителям не показывай. Есть где спрятать? — предупредил брат. Инна в ответ улыбнулась и кивнула.

Весь набор перекочевал жить к подруге, где она собственно могла заниматься своими художествами каждый день. Амине нравилось позировать и смотреть, как занимается подруга. Самой рисовать ей не хотелось, хватало музыкальной школы.

Родители Амины были рады дружбе девочек, теперь их дочка с удовольствием ходила в новую школу, училась спокойно и не рыдала вечерами. А когда они увидели первый портрет дочери, нарисованный подругой, Инна стала любимицей в этой семье. Мать Амины бережно собирала все рисунки подруги дочери и непременно вставляла в рамочку. Пара портретов уже висела в разных комнатах, а некоторые уже были отправлены родственникам: бабушкам и дедуш-

кам, которые имелись у семьи где-то далеко.

Инна любила бывать в этой семье, атмосфера в доме была всегда добрая и уютная. Не то, что дома. Мать смотрела на дочь всегда ожидая, что та выдаст какую-то пакость, а Инна не могла понять, почему от неё вечно ждут подвоха. Она не особо-то выделялась, старалась не отсвечивать, дома была тихой мышкой. Да и в школе собственно тоже. Но видимо для родителей этого было мало. Хоть Захар и пытался научить девочку хитрить и прикидываться хорошей, Инне такой вариант жутко не нравился, в итоге она предпочитала оставаться молчаливой и незаметной.

За обеденным столом мать и отец всегда обсуждали, какой у них хороший сын, учился хорошо, сам в ВУЗ поступил, теперь вот даже подрабатывать начал. И как только начинали вспоминать Захара, от матери в сторону дочери летел укоризненный взгляд, который Инна назвала так: «Не оправдала наших надежд». На такие взгляды она уже давно перестала реагировать.

Рисование граффити немного застопорилось, так как по осени у Матвея фактически не было времени, а потом наступила зима. Весной он объявился и сказал, что нашёл ещё одного художника, который разрисовывает заброшенные стройки.

Когда Вячеслав увидел, кого привёл с собой Матвей, то возмутился:

— Тебе сестру не с кем дома оставить?

— Ты сначала посмотри, как она рисует, а потом будешь возмущаться. У девчонки талантище, она обучается просто на ходу.

В этот раз Инна изобразила свою подругу и оба парня засмотрелись на красотку.

— Н-да, — почесал свою бороду Вячеслав. — Ну, пусть рисует.

Инна посмотрела на мужчину, а она воспринимала его как совершенного взрослого, из-за густой бороды она даже думала, что он такой же, как её папа.

Кто главный в этой команде стало понятно сразу, Мотя был на подхвате, а Инна так вообще принеси-подай. В один из дней, она сказала Матвею, что не пойдёт больше с ним.

— Чего так? — спросил Мотя, хотя сам и так понимал, что девочка не рисует совсем.

— Я устала быть подавателем баллончиков. Да и ты не рисуешь, всем этот Вячеслав заправляет. Если вдруг захочешь порисовать на кладбищенской стене, звони. С тобой я поеду, — она уже была не наивной девочкой, и прекрасно понимала, что финансово Матвей пока не состоятелен, собственно, поэтому больше они и не виделись.

К седьмому классу Инна сильно вытянулась в росте и чувствовала себя какой-то долговязой. Её вдруг стала волновать собственная внешность, и даже рисование начало отходить

на второй план. Амина всегда твердила, что Инна красивая, но девочка не верила. Ей то нос казался длинным, но губы толстыми, то наоборот не очень пухлыми. И не сказать, что она начала засматриваться на мальчиков явно, но исподтишка поглядывала. Амина настроя подруги не замечала, ей казалось, что всё идёт как всегда.

Портрет подруги масляными красками Инна дописала к новому году, и на праздники сей шедевр уже висел на главной стене в гостиной.

— Инночка, тебе надо учиться, — басил отец Амины, глядя на портрет дочери.

— Родители узнают, проблем не оберёшься, — отмахивалась Инна.

— Может, я с ними поговорю, ну ведь задаром такой талант пропадает, — отец подруги говорил с забавным акцентом, и Инне просто нравилось, как он произносит слова.

— Нет, нет, не надо. Они ещё мне с Аминой запретят дружить, пусть уж всё остаётся, так как есть.

Больше данный разговор не поднимался, да Инна стала реже сама браться за краски и кисти. Наступил период упадка и внутренней неуверенности, её стали волновать другие аспекты жизни, да только посоветоваться было на эту тему ей не с кем.

Девочке всегда казалось, что мать смотрит на неё с опаской, как на инопланетного пришельца, поэтому идти за советами и душевными разговорами к ней она не стремилась.

Седьмой класс завершился почти благополучно. Инна продолжала быть тихой и спокойной, только вот оценки ука- тились вниз, в сторону полноценных троек.

— Инна совсем не учится, — как-то подслушала девочка разговор отца с матерью. — Я видел её дневник, одни тройки.

— Я не знаю, с какой стороны к ней подходить, — уста- ло ответила мать. — Она сама не идёт на контакт, и если я что-то и спрашиваю, то она отмахивается, говорит что всё нормально и уходит от разговоров. Как же было просто с За- харом, и переходный возраст прошёл незаметно, и вообще в целом он послушен и покладист. С Инной что-то пошло не так.

— Да, что-то пошло не так, — вздохнул отец. — Ремня да- вать ей уже, наверное, поздно. Привлекай её на кухне помо- гать, пусть учится готовить, девочка как-никак, ей всё-таки замуж идти.

Инна, услышав про готовку содрогнулась. Для неё уро- ки труда в период освоения кулинарных дел всегда были в тягость, она умудрялась испортить даже самое простое. С приходом Амины стало проще, подруга просто брала ос- новную часть готовки на себя, оставив подруге шанс участ- вовать в нарезке ингредиентов и смешивании пары продук- тов по рецепту.

А мать взялась рьяно выполнять просьбу отца, и как бы Инна не пыталась отвертеться от данного действия, у неё не получалось.

— Ну как можно испортить блины? — вопрошала в очередной раз Вера Сергеевна, глядя на какие-то рваные комки кулинарного шедевра. — Что же у тебя руки не стоят как надо, даже блины перевернуть не можешь.

— Они не переворачиваются, — упрямо твердила девочка, глядя как мать ловко переворачивает очередной блин.

Инна умудрялась даже вкус испортить, это для Веры Сергеевны оставалось загадкой. Она даже стояла над дочерью, пока та смешивала ингредиенты, следя за дозировкой и нужной последовательностью. У неё по этому рецепту блины всегда были вкусные, у дочери нет.

— Как же ты жить-то будешь? Я же не буду тебя до старости кормить, да и не вечная я, — сокрушалась мать, понимая, что дочь совершенно не кулинар.

Правда отварить картошку, макароны, рис и гречу девочка могла, сварить сосиски или сардельки тоже. И ещё нарезать самый простой салат, из помидоров и огурцов. Вот тут у неё если и случался конфуз, то только в излишней солёности.

Мучилась Вера Сергеевна с дочерью с полгода, а потом махнула рукой и перестала насиловать и себя, и девочку.

ГЛАВА 5. Такая любовь

Восьмой класс ознаменовался приходом в класс нового мальчика, в которого тут же влюбилась большая часть девочек. И Инна не стала исключением.

Вадим Прохоров очень отличался от уже надоевших одноклассников, и помимо спортивной фигуры обладал ещё и красивым лицом. Он выглядел взрослее всех ребят в классе, и ни одна девчонка не заметила в его глазах надменности.

Все красотки класса выстроились в очередь в погоне за красавцем, Инна очереди не любила и только поглядывала на Вадима, когда этого никто не видел. Только Амина знала, кого постоянно рисует подруга.

— А тебе он не нравится? — поинтересовалась как-то у подружки Инна. — Красавчик, все девочки по нему вздыхают, и не только из нашего класса.

— Мне смысла нет, на него заглядываться, — с грустной улыбкой ответила Амина. — Мне уже подобрали жениха, и папа сказал, что когда я закончу институт, уеду в Грузию. Семья жениха живёт там, хотя они и не грузины.

Инна опешила от этого ответа и очень долго не могла ничего сказать подруге. Она потом долго прокручивала в голове сказанное Аминой и поражалась, как такое может быть.

А потом, на новогодней дискотеке Вадим пригласил Инну

потанцевать, и она впервые оказалась так близко с мальчиком. Да не абы с каким, а с тем, который очень нравился.

Инна перестала замечать что-то вокруг, мир засиял разноцветными красками, в это период она начала рисовать какие-то цветочные и фантазийные композиции. Парень был уже давно обласкан женским вниманием, поэтому быстро уловил, что девочка готова. И воспользовался. Повстречавшись с Инной два месяца, он лишил девочку девственности, а ещё через неделю бросил её.

Только после этого Инночка узнала, что в классе есть ещё пара девочек, прошедших через такой же сценарий. Рассказывать о своей неудаче никому не хотелось, она даже перестала откровенничать с Аминой, и сдружилась с теми двумя девочками, которых успел обидеть Вадим.

В один из дней она была замечена на кладбище, среди готической тусовки. Позже перекрасилась в чёрный цвет и стала ходить в такого же цвета одежде. Домой могла явиться ближе к полуночи, и ей было совершенно всё равно, что говорят родители. Учёба была заброшена, и восьмой класс она закончила на тройки, в большей степени натянутые учителями.

Как-то вечером она сидела у подъезда Богдана, и из подвала, где она когда-то пряталась, вышел долговязый парень, немного пошатываясь. Завидев одинокую фигурку на скамейке, он пригласил девушку в компанию и Инна пошла.

— У нас пополнение, наливай новенькой, — радостно со-

общил он всей компании, тут были и парни, и девчонки, уже подвыпившие и весёлые.

Инне протянули рюмку с прозрачной жидкостью и командовали:

— Пей, угощайся.

И она выпила. Прозрачная жидкость обожгла горло, и стало противно, но тут же кто-то сунул ей по нос кусочек хлеба, со словами:

— На, заешь.

Этот вечер Инна потом вспоминала как во сне. Вот после третьей рюмки она примостилась на тёплой батарее, потом её стало мутить, и она вышла на улицу. Еле успела добежать до палисадника, когда её вывернуло.

— Ты чего, первый раз? — любопытствовал тот парень, который её собственно и пригласил на праздник, Инна даже не знала, как его зовут.

Она в ответ кивнула, еле из себя выдавив:

— Мне надо домой.

— Далеко живёшь?

— Нет, через пять домов.

— Подожди, я сейчас ребятам скажу, что пойду тебя провожать. Не уходи.

Парень проводил её до дома, заботливо доставил к двери квартиры и пожелал доброй ночи.

Дома она хотела, как обычно пробраться тихонько к себе в комнату, да неожиданно её замутило снова, она рванула

в туалет (который был совмещён с ванной), но там было занято. Почему-то проскочила на кухню и уткнулась в строгий взгляд отца, который молча буравил дочь глазами.

Она подавила спазм и бросилась к раковине, потом умылась, и удалилась к себе, под тем же молчаливым и пристальным взглядом родителя.

На следующий день Инна получила от матери нагоняй, правда эффект от этого получился совсем не такой, на который рассчитывала Вера Сергеевна. Дочери не было стыдно, она огрызалась в ответ и обиженно смотрела на мать. Голова у девочки не болела, но было какое-то странное чувство пустоты в желудке, хотелось послать весь мир подальше и закрыться.

— Инна тебе только четырнадцать лет, куда ты катишься? — вопрошала мать, стараясь достучаться до здравого смысла дочери.

— Да какая тебе разница, куда я скачусь? — Инночку прорвало. — Тебе же всегда было на меня наплевать, у меня ощущение, что я приёмная. Если это так, так вертите меня обратно в детский дом, или откуда вы меня там взяли.

— Что ты такое говоришь? — мать осела на стул, стоявший рядом, и схватилась за сердце. — Мы с отцом всегда ради вас с Захаром старались. Дом полная чаша, чего тебе ещё не хватало?

— Полная чаша — это не равно «любовь», — буркнула Ин-

на и, выскочив в коридор, быстро оделась и вышла из квартиры, не слушая того, что ей продолжала говорить в спину мать.

— Инна вернись, — неслось по всему подъезду. — Я тебя не отпускала.

Девочка остановилась этажом ниже, показала куда-то в потолок фигуру под названием «фак» и не спеша продолжила спускаться по лестнице.

На улице она слонялась примерно с час, потом поняла, что проголодалась. Возвращаться домой не хотелось.

— Амина привет, — она позвонила подруге.

— Привет, как дела? — девочка обжаловалась подруге, теперь они виделись не часто.

— Можно к тебе в гости? — сразу поинтересовалась Инна.

— Заходи.

Родителей Амины дома не оказалось и, девочка первым делом пригласила Инну на кухню, чая попить. Уже за столом поняла, что подруга голодна и спросила:

— Хочешь, обед разогрею?

Инна кивнула и опустила голову, почему-то стало стыдно.

После сытного обеда они долго сидели в комнате Амины и разговаривали, Инна выложила многое из того, что скопилось у неё на душе за последнее время. Выговорившись и не получив осуждения со стороны подруги она почувство-

вала облегчение, будто камень с души свалился.

Амина придвинулась ближе и обняла её, как-то по-матерински. Инна и сама не поняла, в какой момент у неё из глаз покатались слёзы, как-то стало тепло и в тоже время не понятно. Подруга гладила её по голове, а тихие слёзы Инночки перерастали в громкие рыдания.

— Поплачь, поплачь. Иногда это очень помогает, — очень спокойным и каким-то мягким голосом говорила подруга.

— Амин, почему так? Почему мне не повезло с рождения? Чем я заслужила таких родителей? Мне ведь и поговорить не с кем, и совета попросить не у кого.

— Я не знаю ответов на твои вопросы, — ответила Амина продолжая прижимать подругу к себе. — Но ты всегда можешь прийти и поделиться со мной своими проблемами. Я их выслушаю и если смогу — помогу. Взрослые не очень нас хотят понимать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.